

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Женщины.

Опрывокъ изъ Евгения Онѣгина,

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый поль ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единій произволъ.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сияла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ шишиль ;
Ея любовь казалась мнѣ
Недосыгаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Инаго я желанья не могъ.

*

№ 20.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

24

То вдругъ ее я неавидѣлъ,
 И трепеталь и слезы лилъ,
 Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
 Созданье злобныхъ, шайныхъ силъ;
 Ея пронзительные взоры,
 Улыбка, голосъ, разговоры,
 Все было въ ней отправлено,
 Измѣнчай злой напосено,
 Все въ ней алкало слезъ и стона,
 Питалось кровью моей. . . .
 То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
 Передъ мольбой Пигмаліона
 Еще холодной и нѣмой,
 Но вскорь жаркой и живой.

Словами вѣщаго Поэта
Сказать и мнѣ позволено :
Темира, Дафна и Лилета —
 Какъ сонъ забыты мной давно.
 Но есть одна меѧ ихъ яolloю. . .
 Я долго былъ плаченье одною. . . .
 Но быль ли я любимъ, и кѣмъ,
 И гдѣ, и долго ли? . . . за чѣмъ
 Вамъ это знать? не въ эпомъ дѣло!
 Чѣмъ было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, чѣмъ съ этихъ поръ
 Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
 Закрылось для любви оно
И все въ немъ пусто и шеяно.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне измѣни,
Не могущъ надивиться нами,
Себя по совѣсти дѣни.

Восторги наши своенравны
Имъ очень кажутся забавны;
И право съ нашей стороны
Мы непростительно смѣши.
Закабалась неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мошыльковъ иль ошъ лилей
И чувствъ глубокихъ и спрасшей!

А. Пушкинъ.

Ночь.

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Тамъ подъ горой, едва, едва
Бѣжитъ, журчитъ ручей стеклянnyй.
Царица сна и шемноты,
Царица дивныхъ сновидѣній!
Какъ сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И ныгу вольныхъ вдохновеній!

*